

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

В. А. ТУНИМАНОВ

«МИЛОЧКА» С. П. ПОБЕДОНОСЦЕВА И «СЛАБОЕ СЕРДЦЕ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Сергей Петрович Победоносцев — писатель 1840-х гг., произведения которого охотно печатал журнал А. А. Краевского «Отечественные записки»¹ рядом с повестями, рассказами и очерками Ф. М. и М. М. Достоевских, И. И. Панаева, Я. П. Буткова, В. И. Даля и других известных литераторов так называемой «натуральной школы».

Уже сам факт многолетнего сотрудничества в знаменитых «Отечественных записках» является лестной рекомендацией. Действительно, сегодня основательно забытый С. П. Победоносцев был, можно сказать, типичным «рядовым» писателем «натуральной школы». Его повесть «Милочка» заметил в очередном обзоре даже столь взыскательный и суровый критик, как Виссарион Белинский, указавший, впрочем, и на художественные просчеты автора: «...не лишена интереса; жаль, что рассказ ее не довольно сжат и быстр».²

«Милочка» — еще одна вариация на тему великих петербургских повестей Гоголя «Записки сумасшедшего» и «Шинель». Почти все характерные, ставшие даже непременно атрибуты «окаменевшей» (определение П. В. Анненкова) повести о чиновнике присутствуют в «Милочке» в подчеркнуто-концентрированном виде. Пока-

¹ «Из „Записок неизвестного“» (1843, № 12); «Милочка» (1845, № 6); «Няня» (1845, № 11), «Походная барышня» (1846, № 11), «Путевые записки русского по Европе в 1847-м году» (1848, № 5). Автор всех этих повестей и очерков — старший брат будущего обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева (впрочем, Сергей Петрович умер в 1850 г., когда невозможно было и предположить, что Константин сделает столь головокружительную карьеру). Убеждения С. П. Победоносцева, иногда подписывавшего свои произведения псевдонимом «Сергей Нейтральный», не отличались последовательностью: он сотрудничал в «Библиотеке для чтения» и «Москвитянине». В последнем Победоносцев поместил статью «Николай Коперник (Голос за правду)» (1843, № 9), которую остроумно высмеял А. И. Герцен в фельетоне «„Москвитянин“ о Копернике» // Герцен А. И. Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1954. Т. 2. С. 103—107.

² Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9-ти т. М., 1982. Т. 8. С. 24.

зательно уже название первой главы: «Физиология чиновника». А открывает повесть обескураживающая и дезориентирующая фраза: «Николай Иванович — чиновник, каких мало».³ Все как раз стертый до безличия, «чиновник душою и телом. *Чин* вошел в его наоборот: он чиновник, каких великое множество, тип чиновника, существо, как кровь в вены, — полонил его морально и физически, преобразовал его совершенно <...> Атмосфера департамента есть единственная атмосфера, с которою знакомы его легкие».⁴ Он, кажется, родился чиновником и, само собой, им умрет, а памятником Николаю Ивановичу будет величественная пирамида бумаг, которые он подписывал сряду 50 лет.

Заурядна и наружность героя — «наружность чиновника, которая всем так знакома, которая встречается на улицах Петербурга ежеминутно».⁵ Стандартна, постоянна, «как характер», одежда: «Зимой и летом, в погоду и в непогоду, он всегда является в департамент в одном и том же платье. Никто бы не определил срок этому платью».⁶ Эту своеобразную униформу достойно венчает вечный летний зонтик, как бы предвещающая рождение героя известного рассказа Чехова.⁷ Столь же бесцветно происхождение Николая Ивановича, с которым «едва ли стоит и говорить. Это происхождение целой генерации чиновников».⁸ Что касается частной жизни героя, то ее попросту нет. Она эфемерна, «покрыта непроницаемым мраком. В квартире его никто никогда не бывал, несмотря на то, что она известна швейцару и сторожам департамента. Никто не знал, много ли у Николая Ивановича знакомых и у кого из них бывал он. Николай Иванович вне департамента мифологическое существо».⁹

Такова экспозиция повести, представляющей собой монтаж физиологических очерков с подробным, мелочным, дробным анализом характеров и обстоятельств (особенно хорошо обрисованы Милочка и ее родители). Длинные описания очень тормозят развитие сюжета: «действие», собственно, разворачивается только в последних, драматических главах повести. Сердцевина сюжета повести — история неудачной женитьбы Николая Ивановича, превращение «мифологического существа» в роконосца, в объект для сплетен и насмешек коллег по департаменту. С. П. Победоносцев тонко, с присущим

³ Отеч. зап. 1845. № 6. С. 283.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 284.

⁶ Там же. С. 285.

⁷ Портрет и характеристика сливаются в типизированный, усредненный образ — черта, в высшей степени свойственная стилю Гоголя и писателей «натуральной школы». «В стиле портрета характерно пародическое обнажение стремления „натуралистов“ к „серединности“, к балансированию между крайностями, к устранению всего индивидуального, к словесному прикрытию характеристики общими, расплывчатыми формулами вульгарно-разговорной речи или к выделению одной внешней, несущественной черты, которая затем расцветивалась изысканными сравнениями», — писал В. В. Виноградов, иллюстрируя выводы как раз большой цитатой из повести Победоносцева // Виноградов В. В. Поэтика русской литературы. М., 1976. С. 359.

⁸ Отеч. зап. 1845. № 6. С. 285.

⁹ Там же. С. 287.

«гуманическому» направлению русской литературы 1840-х гг. сочувствием к душевному миру «маленьких» людей изображает страдания героя, оказавшегося ненужным и странным приложением пустившейся во все тяжкие Милочки (тип дамы петербургского полусвета, более известный по очеркам и рассказам И. И. Панаева), гостем в собственном доме: «Если ему случалось нечаянно проходить через ту комнату, где сидели гости, он проходил ее робко, на цыпочках, как никем не замеченный официант <...> И он молчал, терпел; он чувствовал если не всю муку казни, то большую часть ее; догадывался о многом — и все молчал, все терпел».¹⁰ Страдания помрачили разум героя: толкнули на безумный поступок. Сошедший с ума Николай Иванович умирает в больнице от сильной нервной горячки.

Словом, «Милочка» принадлежит к длинному ряду произведений о сумасшедших чиновниках, в котором, естественно, выдающееся место занимают «Записки сумасшедшего» Гоголя и «Двойник» Достоевского. К тому же типу относится и повесть «Слабое сердце», с той, правда, существенной разницей, что Достоевский берет случай экстраординарный, исключительный: его герой сходит с ума «от благодарности». Васе Шумкову «больно, тяжело одному быть счастливым». Ему хочется, «чтоб все, решительно все сделались разом счастливыми» (2, 38). Или, говоря иначе, типовая ситуация в повести Достоевского переосмыляется радикально.

Примечательно, что Достоевский начинает повесть литературно-полемическим предисловием: «Автор, конечно, чувствует необходимость объяснить читателю, почему один герой назван полным, а другой уменьшительным именем, хоть бы, например, для того только, чтоб не сочли такой способ выражения неприличным и отчасти фамильярным. Но для этого было бы необходимо предварительно объяснить и чин, и лета, и звание, и должность, и, наконец, даже характеры действующих лиц; а так как много таких писателей, которые именно так начинают, то автор предлагаемой повести, единственно для того чтоб не походить на них (то есть, как скажут, может быть, некоторые, вследствие неограниченного своего самолюбия), решается начать прямо с действия. Кончив такое предисловие, он начинает» (2, 16).

В предисловии есть и личные мотивы: сквозит обида как на Белинского, холодно и резко отозвавшегося о «Господине Прохарчине» и «Хозяйке», так и на Некрасова, Панаева, Тургенева, бесцеремонно и ядовито остривших по поводу чрезвычайного самолюбия автора «Бедных людей». Но не это в нем главное. Важнее то, что здесь Достоевский открыто порывает с традициями, превратившимися в штампы и своего рода обязательства, которые должен выполнить автор, принадлежащий к «натуральной школе». Но Достоевский как раз и не желает следовать установившимся канонам. Он внутри преобразует жанр «натуральной» повести, предельно сокращая описательно-физиологическую часть и, напротив, усиливая со-

¹⁰ Там же. С. 354.

бытийно-символическую. Диалог, как живое «действие», закономерно потеснил авторское слово. Изменилась и функция диалога в повести: он впитывает в себя то, что обычно входило в экспозицию произведения (характер Васи Шумкова именно в диалоге разъясняет как своему другу, так и читателю Аркадий Иванович). И в «Слабом сердце» есть почти все традиционные элементы чиновничьей повести, но они не выделены, даны штрихами, растворены в диалогах. Художественная структура повести Достоевского «Слабое сердце» прямо противоположна той, которая сложилась в тип «натуральной» или «физиологической» повести.

«Милочка» Победоносцева и «Слабое сердце» Достоевского — два крайних полюса русской повести 1840-х гг. В первой доминирует, господствует «натуральное», «физиология»; во второй «натура» за кулисами или переведена в трагедийно-символическую плоскость, осмыслена в высшем свете (фантастическая картина Петербурга, увиденная товарищем Васи). Обе повести о безумных чиновниках разделяет небольшое временное пространство в три года. Однако именно в эти годы резко обозначились новые тенденции в русской литературе, обозначилось и расслоение в «натуральной школе», предвещающее ее конец. Почти одновременно заявило о себе новое поколение писателей: Достоевский, Гончаров, Тургенев, Островский. Русская проза бурно эволюционировала. Эволюция, понятно, затронула и русскую повесть.

«Милочка» всецело вписывается в литературу «натуральной школы». «Слабое сердце» соприкасается с ней, пожалуй, лишь внешне. И то, что Достоевский в «Слабом сердце» воспользовался одним, но весьма выразительным мотивом повести Победоносцева, пожалуй, лишь ярче оттенило различия между повестями.

В повести Победоносцева этот мотив звучит приглушенно, как просто один из признаков нарастающего безумия героя: «Иногда он вдруг принимался писать и писал несколько часов сряду. Никому не удалось подсмотреть, что он писал; но если б кто-нибудь заглянул в бумагу, то увидел бы, что она чистехонька: Николай Иванович водил по ней сухим пером...».¹¹ Странное поведение Николая Ивановича «подсмотрел» автор-повествователь: от взора других укрыты *чистые листы*, по которым водит *сухим пером* обезумевший герой. Очевидно, что его мысли заняты другим и движения произвольные, механические: Николай Иванович не отдает отчета в том, что делает, — «забылся». И сообщается об удивительном поведении героя как бы между прочим, так что при невнимательном чтении меланхолическое сообщение автора можно и пропустить.

Но Достоевский не «пропустил» этого потенциально трагического мотива и, мощно усилив его, поместил в самом центре повести «Слабое сердце»: «Он все писал. Вдруг Аркадий с ужасом заметил, что Вася водит по бумаге сухим пером, перевертывает совсем белые страницы и спешит, спешит наполнить бумагу, как будто он делает отличнейшим и успешнейшим образом дело! „Нет, это не столб-

¹¹ Там же. С. 363.

няк! — подумал Аркадий Иванович и затрясся всем телом. — Вася, Вася! откликнись же мне!“, — закричал он, схватив его за плечо. Но Вася молчал и по-прежнему продолжал строчить сухим пером по бумаге.

— Наконец я ускорил перо, — проговорил он, не подымая головы на Аркадия» (2, 43).

Так воплотил Вася Шумков совет друга «ускорить перо». Мотив безупречно слит с сюжетом повести, с «действием», тщательно подготовлен и мотивирован. Движения героя не задумчиво-механические, а лихорадочные: страшная спешка, надрыв. Достоевский создает сцену высокого трагического звучания. Она одновременно и кульминация повести, которую завершает призрачно-фантастическая картина Петербурга, полумистическое, пророческое видение, объяснившее Аркадию Ивановичу, «отчего сошел с ума <...> не вынесший своего счастья Вася» (2, 48).

Т. И. ОРНАТСКАЯ

РЕДАКЦИОННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРУЖОК
Ф. М. И М. М. ДОСТОЕВСКИХ (1860—1865 гг.)

Несмотря на то что о существовании в Петербурге «чисто литературного»¹ кружка при редакции журналов «Время» и «Эпоха» известно еще от Н. Н. Стрехова,² нет ни одной специальной работы, посвященной этому кружку. Между тем он имел свою предысторию, свою судьбу и свои результаты. Правда, по той причине, что кружок был редакционным, а журналы братьев Достоевских на сегодняшний день изучены едва ли не досконально,³ то многие вопросы, связанные с кружком самым непосредственным образом, оказались разрешенными. Это касается определения политической, идейной и идеологической платформ журналов «Время» и «Эпоха», характеристик основных сотрудников в их взаимоотношениях с Достоевским; всего, что касается материала, наполнявшего страницы журналов и так или иначе испытывших на себе влияние писателя.

Цель настоящей работы — сам кружок, его состав, характер собраний кружковцев и атмосфера этих собраний в контексте 60-х гг., а также те стороны взаимоотношений Достоевского с отдельными кружковцами, которые не нашли отражения в работах названных исследователей.

¹ Определение одного из членов кружка. См.: Стрехов Н. Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Библиография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883. С. 171. В дальнейшем: Стрехов Н. Н. Воспоминания.

² Там же. С. 171—212.

³ Им были посвящены работы Г. М. Фридендера, В. Я. Кирпотина, В. А. Туниманова, В. С. Нечаевой; итоги изучения легли в основу комментария журнальных материалов, принадлежавших самому Ф. М. Достоевскому (т. 18—20 ПСС Ф. М. Достоевского).